

---

## **ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИЗРЕНИЯ СЕМЕЙ НИЖНИХ ЧИНОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

*Н.Л. Пушкарёва,  
П.П. Щербинин*

Статья основывается на некоторых новых и традиционных моделях новой социальной истории – истории социальной работы в царской России в начале XX века. В работе делается фокус на развитии системы социальной защиты семей солдат в Российской империи. Основанная на глубинном исследовании провинциальных архивов и региональной прессы, статья посвящена повседневной жизни женщин в семьях солдат и влиянию «военного фактора» на формирование их социальной психологии и активной жизненной позиции. Автор отслеживает эволюцию влияния женщин на систему социальной помощи и оценивает роль, которую они играли в период Первой мировой войны.

*Ключевые слова:* история социальной работы, призрение, социальное обеспечение, женское самосознание, женская повседневность, военный фактор в социальной истории

История российской социальной работы – «профессиональной деятельности по осуществлению позитивных изменений в жизни индивида» [Ярская-Смирнова, 2004. С. 19] – одна из наименее исследованных страниц новой социальной истории Восточной Европы. Идеологические установки прошлых лет негласно требовали признать ущербность социального законодательства России в дооктябрьский период (до революции 1917 года): лишь забота о человеке, организованная в годы советской власти, считалась достойной изучения. Правда, и ей не уделялось должного внимания в социогуманитаристике. Неудивительно, что и специалистам, и простым любителям истории мало что известно о ряде важнейших правовых актов начала XX века, нацеленных на решение

---

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проекты № 04-01-00004а и 04-01-78106-а/Б.

насуточных практических задач социальной политики. Помимо знаменитого закона о страховании рабочих 1912 года, к таким документам можно отнести подписанное и введенное в действие в том же году *«Положение о призрении нижних чинов и их семей»*. Оно сыграло значительную роль во введении в правовое поле системы помощи ближайшим родственникам призванных на военную службу, создав тем самым регулярную практику, которой до этого не существовало в Российской империи. Именно после опубликования этого документа жены и дети нижних чинов запаса, призванных в армию, оказались вправе рассчитывать на получение (впервые в российской истории) государственного, или, как его тогда именовали, «казенного» продовольственного пособия, которое являлось компенсацией семье за отсутствие кормильца.

Одной из причин решения о необходимости правового регулирования государственной поддержки семей призывников стали уроки и опыт русско-японской войны. Именно в 1904–1905 годах были сделаны первые попытки ввести в правовое русло ассигнование и распределение денежных средств в помощь семьям ушедших на войну. Но отсутствие продуманной системы распределения и контроля за выделенной на указанные цели денежной массой привело к тому, что деньги дошли только до части (иногда говорится о половине) семей участников боевых действий. Это вызывало серьезное недовольство как в войсках, так и в тыловых регионах России.

Учтя ошибки прошлого, российское правительство внесло в III Государственную Думу проект *«Положения о призрении нижних чинов и их семей»*, который и был утвержден вначале самой Думой, а затем и Государственным советом 25 июня 1912 года [Солдатские... 1916; Дашкевич, 1915; Авербах, 1915]. Социально-политический контекст принятия закона характеризовался необходимостью рассмотрения этого вопроса до вступления России в крупный военный конфликт, которым обещало стать противостояние сложившихся в 1882–1907 годах военных блоков (Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии и Тройственного соглашения, или Антанты, в составе России, Англии и Франции). Примечательно, что российское правительство загодя рассмотрело вопрос о призрении семей военных и утвердило основные механизмы государственной помощи конкретным нуждающимся. По закону (Положению) от 25 июня 1912 года в тех губерниях, где объявлялась мобилизация, одновременно с ней должны были создаваться и особые городские и волостные попечительства. На них возлагалась обязанность обследования нужд семей призванных из запаса на военную службу, составление подробных списков и организация выдачи пособий. Положение вводило практику прошений о назначении пособий не только полномочными представителями семей нуждавшегося (прежде всего женами и матерями), но и самими мобилизованными нижними чинами с фронта. Кредиты на пособия призванным ассигновались Государственным казначейством. Стоит принять во внимание, что помимо сумм, распределяемых централизованно «сверху» и в установленном для всех порядке, предусматривались и дополнительные выплаты единовременных денежных пособий особо нуждающимся солдатским семьям в соответствии с поданными ими прошениями.

ми. За время войны число таких обращений стремительно росло, поскольку большинство из них, несмотря на извечную российскую волокиту, доходили-таки до адресатов, рассматривались и удовлетворялись. Так, к третьему году войны (1916 год) было удовлетворено 26 956 ходатайств солдат и членов их семей<sup>1</sup>.

Конечно, как и каждый закон, Положение не было свободно от недостатков, от наличия не до конца юридически проработанных статей. В его тексте имелись нечеткие формулировки, дававшие поводы для злоупотреблений чиновников. Скажем, субъектами призрения объявлялись лишь члены малой семьи солдата (жена и законные дети), а «отец, мать, дед, бабка, братья, сестры означенного чина» могли рассчитывать на выплату пособий, если только могли аргументированно доказать, что до призыва мужчины на службу они «содержались трудом последнего» [Дашкевич, 1915. С. 83]. Сыновья и незамужние дочери солдата, достигшие семнадцатилетнего возраста, сохраняли право на пособие, только если они были нетрудоспособными [Авербах, 1915. С. 214]. В жизни все оказывалось сложнее, чем предполагали законодатели. Для России типичным было проживание большими, неразделенными, многопоколенными семьями, зачастую объединявшими семьи взрослых братьев и сестер, родителей, включавших и сирот-племянников, и пасынков, и падчериц. Вся эта многочисленная родня зачастую содержалась трудом одного здорового кормильца, а его-то как раз и забирали на фронт. Положение не исключало для указанной родни возможности обращения с прошениями в земства, различные благотворительные организации и комитеты, хотя (по закону) адресную поддержку им должно было оказывать городское или крестьянское общество. Должно было. Но оказывало не всегда.

Сама система «прошение – рассмотрение – решение» была основана на переписке между учреждениями и уже поэтому была сильно бюрократизирована. После рассмотрения прошения назначался день, в который проводилось изучение состава семьи, степени нуждаемости ее членов, затем составленные «ведомости» отсылались «наверх» для утверждения уездным попечительским съездом. Затем документы поступали в губернское правление, оттуда отсылались в МВД Петрограда. Иногда вся эта переписка затягивалась на полтора-два месяца, что вызывало возмущение просительниц (хотя с современной точки зрения поражает как раз оперативность работы почт и чиновников, которым поручалось рассмотрение поданных писем, жалоб и прошений).

Несмотря на значимость Положения для множества семей, государственные чиновники не торопились организовывать какое-либо широкое оповещение о нем, разъяснение его статей и норм. Закон от 25 июня 1912 года, принятый между двумя крупными войнами, которые вела Россия (Русско-японской 1904–1905 годов и Первой мировой 1914–1918 годов), оказался

<sup>1</sup> Для исчисления продовольственного пособия на солдатскую семью в денежном эквиваленте, по установленным для каждой местности ценам, брали следующую норму продуктов на одного взрослого человека в месяц: муки – 1 пуд 28 фунтов, крупы – 10 фунтов, соли – 4 фунта, постного масла – 1 фунт. На ребенка младше 5 лет полагалась половина пайка.

малоизвестен населению страны. Те, кто более всего нуждался – женщины-солдатки – часто имели весьма отдаленное представление о том, как использовать гарантированные им права, не знали к кому надо обращаться за получением пособия<sup>1</sup>. На всякий случай они старались действовать многоадресно, писали прошения сразу в несколько инстанций: волостному старшине, председателю земской управы, предводителю дворянства, в мещанскую управу, военному министру, министру внутренних дел и т. п. В тыловых губерниях России (например, в Центрально-Черноземном районе) в годы войны появились свои профессиональные составители прошений, располагавшиеся при трактирах, которые и писали обращения во все инстанции. Местная пресса отмечала, что чаще всего прошения писались морскому министру (он считался «строгим», умевшим организовать надзор) или архиерею, в то время как самым эффективным было писание прошений в земскую управу [Козловская газета. 1914].

Нередко выдача пособий затягивалась, поскольку чиновники должны были точно устанавливать, насколько до призыва в армию данная семья «содержалась трудом призванного». Уездные и городские попечительства, которые должны были определять нуждаемость в пособиях семей призванных на войну солдат, в одних губерниях слишком узко толковали положения закона и стремились уменьшить число удовлетворенных прошений, в других же – толковали широко и назначали его тем, кто мог бы обойтись и без государственной помощи. Некоторые солдатки, особенно многодетные, получили по Положению право на пособие от 30 до 45 рублей в месяц. Это были большие по тем временам деньги, которые сам призванный, возможно, никогда и не зарабатывал. По завистливым замечаниям современников, в таких семьях «бабы не горевали» [Гурко, 2000. С. 645]. Конечно, большинство женщин отдавали значительную часть солдатского пособия в семейный бюджет или клали деньги в банк, но некоторые тратили постоянно на собственные нужды. Как признавались сами солдатки, до войны мужья часто пропивали деньги, одаривая их лишь иногда «чаем да шелковым платочком». Теперь же, в военные годы, они сами могли решать, как и на что тратить средства. Одна из солдаток призналась журналисту, что «получив паек», прежде всего бежит «в лавку “отрезать” себе кусок материи или купить обувь, чтобы не прийти домой с деньгами» – «не то “старшие” отнимут» [Фаресов, 1916. С. 35] (свекор со свекровью легко накладывали «руку» на пособие, выделенное невестке за призванного сына). Наиболее рачительные солдатки расходовали средства с мудростью, обретаемой ими в практических делах, обеспечивая себя и детей всем необходимым. Одна из провинциальных газет – «Тамбовский земский вестник» – привела слова одной из них, сказанные спустя два года после начала войны: «Мы теперь воскресли, свет

---

<sup>1</sup> Как отмечали «Тамбовские отклики», по трактирам, чайным, другим общественным местам ходили жены взятых на военную службу запасных и просили посетителей написать прошения в городскую управу о выдаче пособий [Тамбовские отклики. 1914. 31 июля].

увидели. Дай, господи, чтобы война эта подольше прошла» [Тамбовский земский вестник. 1916. 9 августа].

Обретением женщинами финансовой самостоятельности, в известной степени подкрепленной как раз выплатой солдатских пособий, были очевидно недовольны священники. Они с удивлением отмечали: «В храмах можно видеть подавляющее большинство женщин, молебны, панихиды служат главным образом женщины... В некоторые моменты, когда церковь приглашает помолиться о здравии и спасении русского воинства, на поле брани со славой живот свой положивших, молитва наших женщин достигает прямо какой-то мистической высоты... Те же самые жены солдат, которые так усердно молятся в храмах, так усердно просят Бога о спасении сынов и своих мужей, вне храма, в своей повседневной жизни держат себя нахально вызывающе. Работать не желают, без конца требуют даровых пособий. Получая пайки, тратят безрассудно: на модные кофточки, галоши, духи и помады» [Земцов, 1999. С. 98].

Отчасти такое отношение объясняется тем, что основная масса священников, дьяков и псаломщиков жила довольно бедно, поэтому на «дармовые» деньги солдаток они смотрели не совсем объективно. Сохранились свидетельства того, что солдатки весьма скептически относились к тем, кто пытался бороться вместо них за их права и не тратили времени на вымаливание божьей помощи в храмах. «Жены солдат, – жаловался в церковной прессе один из епископов, – всячески бранят и в глаза поносят неприличными словами и обидными подозрениями разных попечителей, не исключая и священников» [Там же. С. 97]. В годы войны священники к тому же подняли плату за требы, добившись этим увеличения церковных доходов, а уменьшения их: иерархи сообщали в Синод, что храмы посещаются солдатками «лениво», прихожане не желают своевременно исповедоваться и причащаться [Леонтьева, 2002. С. 189].

Некоторые солдатки и сами открыто заявляли, что после ухода мужей в армию они уже не вымаливали помощи и прощения у бога, но сами обустроили свою жизнь. Разнообразные источники свидетельствуют, что женщины из семьи призванных на фронт получали очевидные возможности самостоятельно вести хозяйство, единолично распоряжаться деньгами, что вело к росту индивидуальной самооценки, самосознания. Получение казенного пособия позволяло женщинам теперь уже самостоятельно формировать семейный бюджет [Женская жизнь. 1915. № 21; Иванова, 1915. С. 64]. Конечно, родня и соседское окружение солдаток не хотели привыкать к подобной автономии и самостоятельности. И большая семья, в которой жила солдатка, и соседи готовы были расценивать самостоятельность как «мотовство», «вольности» в расходовании средств. Чем как ни завистью родных и соседей можно объяснить типичные для российского менталитета жалобы-доносы на тех солдаток, которые, получив пособие, начинали вести свободную от моральных обязательств жизнь. Однако тут закон стоял на страже интересов солдатки. Если ее семья по закону должна была получать пособие – то никакие ссылки на моральные нормы не могли

лишить ее выделенных денег. Известны случаи, когда соседи сообщали мобилизованным на фронт о беспутной жизни их «половин», и взбешенные солдаты ходатайствовали о прекращении выдачи пособий таким женам. Но подобные прошения не удовлетворялись: по специальному решению касательно таких случаев, если «брак не был расторгнут» по той или иной причине, семья считалась существующей, а жена мобилизованного – законной получательницей пособия («в законе на случай порочного поведения супруги никаких возможностей не оговорено») <sup>1</sup>.

Между тем женщины-солдатки (женщины из числа родных призванных на фронт) с каждым годом войны все успешнее добивались выдачи казенных пособий и денег от земств. Есть данные, что с умело написанными прошениями о выдаче пособий нередко обращались и те, кто по уровню обеспеченности семьи со стороны родных совершенно в нем не нуждался [Гамбовские отклики. 1914. 8 августа]. Власти это констатировали, но ничего не могли поделать. Положение не содержало четких критериев по назначению пособий, любые ограничения вели к недовольству, обиженные обещали жаловаться «наверх» и успешно делали это. В различные учреждения – уездным властям, в попечительства, воинским начальникам, губернаторам, в войсковые части, в центральные учреждения – постоянно летели многочисленные жалобы солдатских жен, недовольных отсутствием пособий [Дашкевич, 1915. С. 86]. В декабре 1914 года министр внутренних дел вынужден был специально обратиться с телеграммой к губернаторам, в которой отметил, что верховным главнокомандующим «получается много жалоб на неудовлетворение казенным пайком семей призванных в войска или на несвоевременную выдачу пособий». «Великий князь признал желательным, – говорилось далее, – обратить внимание губернаторов на необходимость неослабного с их стороны наблюдения за этим делом с исчерпанием всех доступных им мер для обеспечения денежным пособием имеющих на него право» [Русское слово. 1917. 18 декабря]. Подобное обращение министра свидетельствовало о том, что ситуация с выплатой пособий была запутана и требовала дополнительного вмешательства властей.

Видный правительственный чиновник В.И. Гурко в своих воспоминаниях о годах Первой мировой войны констатировал, что мобилизация запасных нижних чинов прошла без патриотического подъема, а сопровождавшая ее реквизиция лошадей сопровождалась резкими протестами. Но начавшаяся спустя месяц после мобилизации раздача пособий семьям призванных смогла погасить недовольство. По словам В.И. Гурко, дело было поставлено широко, точных же инструкций о том, какие именно семьи имели право на получение пособий, не было. Он обратил внимание и на то, что в Положении не было установлено, до какого возраста мужчины, входившие в состав получавшей пособие семьи, признавались нетрудоспособными [Гурко, 2000. С. 644].

Социальные работники, чиновники, законодатели не до конца проработали и вопрос о предельных сроках ожидания назначенных пособий. Задер-

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2325.

жки и волокита заставляли солдаток проявлять несвойственную им ранее активность: «Ходили, ходили в управу – не можем пособия получить... Хотя с голоду помирай: мужей в солдаты взяли, а тут об нас и думать не хотят» [Борисоглебский листок. 1914. 5 октября].

Жизнь впроголодь, лишения, трудности тылового быта заставляли солдатских жен продумывать и некоторые хитроумные варианты улучшения материального благосостояния своих семей. Газеты отмечали, что некоторым из них удавались и мошеннические операции – получение пайка за умерших детей, убавление возраста живущих, но ставших совершеннолетними (кому исполнилось 17 лет) [Тамбовский земский вестник. 1916. 18 ноября]. Однако обман, на который шли солдатки, легко объясним низким уровнем потребления, который складывался в семьях призванных на службу. Часто пособие, получаемое солдаткой на себя и детей, было единственным источником к существованию. К случаям мошенничества молва могла приписать и стремление заполучить казенную помощь и теми матерями, чьи сыновья были призваны, но которые (при проверке) оказывались живущими на попечении своих мужей<sup>1</sup>.

Иными словами, пока призванный супруг находился на фронте – женщины могли рассчитывать на помощь социальных работников и выдачу пособий. Куда сложнее оказывалось тем из солдаток, у которых муж пропал без вести. В этой ситуации солдатская жена лишалась пособия и права обращения в благотворительные организации. Лишались права на получение продовольственного пособия и семьи представителей нижних чинов запаса, которые бежали со службы или добровольно сдались в плен<sup>2</sup>. Среди солдат и в тылу распространялись брошюры «Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью», в которых указывалось: «Напрасно думают русские, что, сдавшись в плен, они спасут свою жизнь... Если некоторые из пленных и останутся живы, то после разгрома немецкой армии и заключения мира над всеми добровольно сдавшимися в плен по возвращении в Россию будет исполнен приговор военно-полевого суда. Семьи же воинов, добровольно сдавшихся в плен, по закону, высочайше утвержденному 15 апреля 1915 года, лишаются всякого пособия... Именные списки добровольно сдавшихся в плен немедленно передаются губернаторам для обнародования и лишения пособия. Лишившиеся пособия голодающие семьи, несомненно, будут проклинать своего прежнего кормильца, который гнусною изменой царю и Родине лишил их не только казенного пайка, но и доброго имени и уважения честных людей. Добровольно сдавшихся в плен как изменников Родины по приговорам сельских обществ, станиц изгоняют из членов обществ» [Стрелков, 2004]. Таким образом, солдатки и дети сдавшегося в плен обрекались на нищету и бесправие. Так что не случайно, что после свержения самодержавия и образования союзов солдаток весной 1917 года женщинами повсеместно ста-

---

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9449. Л. 56.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9326. Л. 4.

ли выдвигаться требования о выдаче пособий и семьям дезертиров и солдат, сдавшихся в плен. В некоторых случаях они добивались успеха (11 сентября 1917 года союз солдаток Елатомского уезда Тамбовской губернии постановил: «Выдача пайка должна производиться также и семьям дезертиров и добровольно сдавшихся в плен, так как эти семьи не должны отвечать за поступки своих глав и не могут быть обречены на голодную смерть» [Тамбовский земский вестник. 1917. 20 сентября].

Важное значение для поддержки семей призванных на войну имела не только выплата пособий из центра, но и финансовая помощь, оказываемая земским и городским самоуправлением, духовенством, различными центральными и региональными благотворительными организациями. Они не были привязаны в своей деятельности к Положению от 25 июня 1912 года и оказывали помощь всем, кого сами признавали нуждающимися, а также тем, кто по каким-либо причинам был обойден государственным пособием.

В ряде регионов России активную деятельность по оказанию помощи семьям солдаток развернули общественные комитеты, созданные при городских самоуправлениях и земствах. Направлениями их помощи солдатским семьям были: 1) оказание юридической помощи созданием справочных бюро, составлением прошений и возбуждением ходатайств; 2) доставка продовольствия, добавленного к казенному пайку; 3) поиск бесплатного помещения с отоплением тем семьям, которые не имели собственного или дарового приюта; 4) оказание мирской помощи в хозяйстве, при уборке сена, хлеба, вспашке, молотье, рубке и заготовке дров, в ремонтах изб и хозяйственных построек семьям нижних чинов, находящихся на действительной службе, а также семьям внебрачным, не имеющим права на получение казенного пособия; 5) помощь в найме работников для поддержания хозяйств; 6) обеспечение семенным материалом для весенних полевых работ; 7) организация бесплатной медицинской помощи; 8) устройство детских приютов, общежитий, мастерских; 9) оказание помощи учащимся детям нижних чинов внесением платы за обучение, на покупку книг [Отчет... 1916. С. 15].

Очевидно, что без этой общественной помощи семьям солдаток было бы куда труднее [Иванова, 1915. С. 62–65; Щербинин, 2001]. Но размеры дополнительных пособий и формы поддержки семей призванных значительно отличались и по регионам, и по периодам войны. В центрально-черноземных губерниях, например в богатой хлебом Тамбовской губернии, уже с октября 1915 года земства перестали оказывать помощь обойденным казенными пособиями солдаткам, мотивируя это тем, что выдался хороший урожай, сложились высокие цены на рабочие руки, и все нуждающиеся могут сами себя обеспечить [Тамбовский земский вестник. 1915. 15 октября].

В рамках помощи семьям призванных на войну оказалась в рассматриваемое время трудовая помощь городских учащихся, которую организовывали благотворительные организации. На селе особенно остро ощущалась нехватка рабочих рук, и одним из источников пополнения трудовых ресурсов,



помощи семьям солдаток стала организация «ученических дружин» [Тамбовский край. 1916. 16 июля]. Конечно, от многих учащихся, не знавших прежде сельскохозяйственного труда, сложно было ожидать большой отдачи, но все же даже такое участие оказывалось ощутимым. «Ученические дружины» помогали в сборе урожая, заготовке дров, вывозе навоза. Появившись в 1915 году, они уже к 1916 году действовали почти повсеместно [Чембулова, 1917. С. 155]. Отношение населения к учащимся было различным. Пресса сохранила свидетельства благодарности, но случалось и недоброжелательство, поскольку иные солдатки считали работу «дружинников» малопродуктивной, находили стеснительным их кормить [В дни войны. 1916. № 24].

Обращение к изучению повседневной жизни и призрения семей призванных на войну нижних чинов, проживавших в сельской местности, таит в себе немало противоречий и источниковедческих сюрпризов. И современники, и историки при желании всегда находили свидетельства как критического положения семей призванных на войну [Хрящева, 1921; Анфимов, 1987; Поршнева, 2000. С. 119–139; Судавцов, 2001. С. 123–134], так и вполне достаточного уровня их жизни, а порой и обогащения в условиях военной поры [Хозяйственная... 1916. С. 1–29; Прокопович, 1918. С. 238–246; Самохин, 2002. С. 211–213]. Заметим, что эти противоречия вполне объяснимы условиями жизни солдатских семей в различных регионах, сложившимися там ценами и оказанием помощи не только государством, но и общественностью, духовенством, благотворительными учреждениями. К тому же динамика изменений семейных бюджетов и потребления в семьях солдаток часто напрямую зависела от изменения ситуации на рынке труда, цен на хлеб, государственной политики и военных заготовок продовольствия для нужд армии.

Поэтому работа земств, да и контроль за помощью семьям призванных со стороны губернаторов оказывались действенным механизмом социальной защиты. Слывшие традиционными «помочи» (самопомощь сельского мира в выполнении сельскохозяйственных работ в подмогу тем, у кого кормильцев забрали на фронт) в условиях военного лихолетья и нищеты становились более редкими. «Орловские епархиальные ведомости» отметили в связи с этим, что помощь солдаткам стала носить случайный характер: «Захочет староста, созовет сход, попросит общество, и дело будет сделано, а не захочет или общество отложит – и работы останутся несделанными. В результате такой мирской помощи бывали не единичные примеры того, что хлеб солдаток оставался немолоченным, гнил, конопля своевременно не мочилась и теряла свое достоинство и ценность» [Леонов, 1915. С. 284–285]. От активности земств в этих условиях зависело, выделяют ли помощь семьям призванных на войну более состоятельные земельные владельцы [Кирсановский вестник. 1914. 27 августа] или же удастся распорядиться о предоставлении техники для сельхозработ с земских складов [Жилкин, 1914. С. 237–238; Алехина, 2002. С. 118]. Особо нуждавшиеся получали денежные средства для найма работников в помощь<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> РГИА. Ф. Библ. I отд. Оп. I. Д. 97. Л. 1–2.

«В общем казенный паек в достаточной степени обеспечивает семьи призванных, – докладывал в губернскую управу один из губернаторов центрально-черноземного района в октябре 1914 года. – Почти все они имеют хозяйства... В отдельных случаях казенного пайка недостаточно для обеспечения семьи. В таких случаях семьям полагается дополнительное продовольственное пособие сверх казенного пайка» [Журнал... 1915. С. 122]. Таким образом, сверх пособия солдаткам, чье существование не обеспечивалось казенным пайком, могли быть выданы продукты (мука, крупа, соль, масло) и дрова [О влиянии... 1916. С. 196].

При оказании помощи солдатским семьям приходилось считаться с тем обстоятельством, что почти все они предпочитали обращаться за помощью. Отделить ходатайства, «заслуживающие удовлетворения от не заслуживающих такового», было трудно. В связи с этим волостные попечительства некоторых уездов выступали за то, что «пособия нужно выдавать всем – или никому» [Тамбовский листок. 1914. 17 декабря]. Раздача ассигнованных губернским земством средств на выдачу дополнительных пайков вызывала нарекания, просительницы-солдатки требовали: «Дайте хоть по 20 копеек, но всем». Это и понятно: даже если просительница-солдатка жила не одна, если ее поддерживала семья или родственники мужа, получение любых сумм и уж тем более полновесного казенного пособия резко меняло ее статус, отношение к ней окружающих. Получавшая пособие пользовалась благосклонностью в большой семье, никто не считал ее нахлебницей. Казенное пособие было небольшим (2–2,5 рубля на каждого члена семьи в месяц), но регулярным, а потому оно было и подспорьем в хозяйстве, и дополнительным источником денежных средств, которые солдатки в деревнях часто использовали на непродовольственные нужды (покупку одежды, мебели, которые ранее не могли себе позволить, так как едва сводили концы с концами при распределении денег на питание) [Поршнева, 2000. С. 119]. Любопытно в связи с этим, что крестьяне иной раз отказывались делать пожертвования, если узнавали, что они пойдут на помощь солдаткам: сельский мир полагал, что пособие выплачивается слишком большое, и солдатки в помощи общества не нуждаются [Фаресов, 1916. С. 39]. Действительно, некоторые многолетние солдатки, получив пособие, отказывались работать сами, прибегая к найму односельчан для обработки полей, уборки урожая.

По оценкам самих крестьян, война несколько «уравнила» крестьянские хозяйства. Беднейшие семейства призванных на войну оказались под крышей государственной защиты, семьи зажиточных крестьян со времени ухода работников на войну значительно обеднели, их хозяйства сократились, а солдатки из этих семей не имели права на прошение о пособии [Тамбовский листок. 1915. 7 июля]. Там, где цены на хлеб были высокими и урожай неплохим, пособие оказалось отличным финансовым подспорьем. Солдатки этих регионов начинали откладывать деньги, тратить их на лакомства, которые не могли себе позволить ранее, на новую одежду для себя и детей; важно, что они часто

впервые в своей жизни могли чувствовать себя распорядительницами хоть каких-то денежных сумм [Дело. 1916. № 1. С. 81]. Таким образом, организованная социальная помощь семьям призванных на войну оказалась тем механизмом, который помогал изменению женского самосознания, обучал россиянок основным приемам социального действия (от прошений до бунтов).

Между тем еще большей заботы и внимания со стороны социальных работников начала XX века требовали и женщины из семей нижних чинов, проживавшие в городах. Для горожанок, не имевших в отличие от женщин в сельской местности собственного земельного участка, который мог бы их кормить, пособие, выплачиваемое за ушедшего на войну мужа, оказывалось едва ли не единственным источником существования. Многие из таких женщин не имели к моменту призыва места работы и оказывались на грани нищеты из-за постоянного роста цен на продукты, товары и жилье. И хотя городские думы стали устанавливать таксу (предельную цену на многие продукты питания, оговаривая, что это нормирование и ограничение цен вводится только на период мобилизации) все же даже по социально низким ценам покупки элементарного продовольствия становились для таких солдаток проблемными. Между тем цены на продукты в городе и селе в первые месяцы войны различались иногда трехкратно, извозчики подняли в три раза тарифы на перевозки [Борисоглебский листок. 1914. 29 сентября; Козловская газета. 1914. 22 августа]. Мелкая городская буржуазия старалась максимально использовать сложившуюся ситуацию, выгодно продавая пользующиеся спросом товары и услуги. С ноября 1914 года население городов скупало дорожавшие товары: сахар – пудами, а спички – ящиками [Тамбовский листок. 1914. 21 ноября]. В адрес министра торговли и промышленности поступали многочисленные телеграммы с просьбами о срочном выделении ссуд городским самоуправлениям для борьбы с дороговизной. Так, кирсановский городской голова сообщал, что «Кирсанов погибает дороговизны недостатка предметов продовольствия особенно муки соли»<sup>1</sup>.

Положение семей призванных на войну нижних чинов отражают дошедшие до нас и заполнявшиеся чиновниками опросные листы, по которым проверялось имущественное положение солдатских семей на предмет их нуждаемости [Апкаримова, 2000. С. 7–9]. Опросные листы свидетельствовали о страшной нужде просителей: «...семья запасного: ...получал 45 рублей в месяц. Теперь мебели нет, вещи заложены в ломбарде. Трое детей, один из которых грудной, а денег нет ни копейки, и неоткуда больше взять их; семья плотника: получал 40 рублей в месяц, осталась мать с четырьмя детьми... Начали продавать вещи. Должны за квартиру 8 рублей. Помощи ждать неоткуда. Мать больна. Дети полураздеты. Просит одежды...; семья служащего в банке, получал 25 рублей в месяц, мать разута, раздета, горячего не варит, нет дров. Ребенку надо молоко, а достать неоткуда» [Тамбовский край. 1914. 29 августа].

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 827.

В данных по соседнему уезду та же картина: «Это почти сплошь матери, обремененные многочисленным семейством. Есть матери, у которых осталось на руках 9 детей, а средств никаких». Из опросных листов: «Я застал на квартире, – пишет один из обследователей, – самую полную нужду. Жена и четверо детей. Вещей никаких, детишки разуты... Ей уже нигде не верят в долг и настоятельно требуют уплаты. Скоро будут сидеть без хлеба». «Положение самое отчаянное, – читаем мы в другом листе. – Маленькая грязная комната, в которой размещаются 10 человек, из которых 8 детей. Здесь же стирают. Обстановки никакой. Квартира в подвале. Воздух спертый... Заложить нечего. Едят постные щи, пьют чай с черным хлебом... Пособий, кроме получаемых из городской управы 5 рублей 50 копеек, и не ждут ниоткуда. Это семья сторожа, получавшего 18 рублей в месяц и жившего раньше, так или иначе, сносно. Семья железнодорожного слесаря, очутившаяся без средств, состоящая из жены, пятерых детей и матери-старухи, переселилась в сарай, кое-как приспособив его к жилью. Выбитые из колеи, оставшиеся без кормильцев, семьи бедняков в первую голову спешат добыть несколько рублей залогом вещей в ломбард. Имущество убогое, половина вещей уже заложена, остались незаложенными только кровать и самовар, должны за квартиру 10 рублей и т. п.» [Тамбовский край. 1914. 29 августа].

Ухудшение положения семей запасных нижних чинов в городах происходило также и по причине быстрого роста платы за жилье, нежелания владельцев квартир учитывать проблемы с задержкой или невыплатой пособий семьям солдаток. В некоторых городах домовладельцы стали выселять семьи призванных на войну солдат за неуплату, так как те не успели еще получить пособие и заплатить за квартиры [Борисоглебский листок. 1914. 12 октября]. Население некоторых городов в провинции из-за наплыва беженцев, расквартирования войск увеличилось в полтора-два раза. В квартирах, рассчитанных на 5–6 человек, размещалось по 10–15 постояльцев. В Саратове в 1916 году почти половина горожан проживала в скученных условиях [Араловец, 2003. С. 109]. В тыловых районах цены на квартиры выросли на 50–80 %. В рамках протекционных действий губернская управа приняла постановление о нормировании цен на квартиры. Было запрещено повышать плату за жилье более чем на 10 % [Журнал... 1915. С. 9–11]. Выдающуюся роль в помощи горожанкам-солдаткам и членам их семей играло местное самоуправление и благотворительные организации. Именно с их помощью во многих городах солдатки бесплатно снабжались дровами для отопления жилищ, продуктами и дополнительными денежными пособиями [Иванова, 1915].

Составители опросных листов постоянно сталкивались с нежеланием домовладельцев выполнять распоряжения, защищающие семьи призванных на войну. Женщины жаловались, что хозяева квартир расторгали договоры с ними, обращались в суды, требуя по исполнительным листам освобождения квартир от семей, не способных своевременно вносить плату за жилье. Отмечались случаи, когда на улицы вышвыривались и многодетные солдатки. Так, в Воронеже

из занимаемой квартиры в январе 1915 года была принудительно выселена жена запасного М.И. Пенкина, имевшая 8 детей, старшему из которых было 13 лет [Воронежский телеграф. 1915. 1 февраля]. Между тем, по нашим подсчетам, лишь треть солдаток в городах проживала в собственных домах, остальные же снимали квартиры. При обследовании материального положения семей, обратившихся с просьбами о выдаче дополнительных пособий из городских средств, было признано, что все они нуждались в дополнительных средствах (от 1,5 до 5 рублей). В то же время власти отказали всем бездетным солдаткам, приписав на прошение «достаточно казенного пайка»<sup>1</sup>. Городская управа действовала в данной ситуации в соответствии со сложившейся практикой отказа одиноким солдаткам в дополнительном пособии, но реально его было явно не достаточно, чтобы снимать помещение, покупать дрова для отопления и т. п. Несмотря на потуги государственных чиновников, те солдатки, которые не успели обзавестись детьми, занимались поисками работы, так как не могли рассчитывать на помощь ни от государства, ни от местного самоуправления, ни от благотворительных организаций.

В то же время некоторые из многодетных солдаток получали в качестве пособия настолько приличные денежные суммы, что могли позволить себе не работать. «Общеизвестен факт, – признавал председатель Тамбовской городской думы, – что в настоящее время те, кто прежде зарабатывал, теперь не хотят знать труда, живя на даровые средства... В настоящее время большинство женщин, имеющих право на получение пособия, не считая неспособных к труду старух, получают до 15 и более рублей в месяц, чего они прежде никогда не получали. То же самое относится и к семьям крестьян, взятых на войну, где потребности менее, чем в городе»<sup>2</sup>. Так или иначе, но принцип надления пособий «по числу несовершеннолетних» в семье призванно-го был оставлен в неприкосновенности.

Первая мировая война привела к значительному росту детей-сирот. Главный Алексеевский комитет по призрению детей лиц, погибших в годы войны, был едва ли не главной и единственной высшей инстанцией, распределявшей деньги, предназначавшиеся на пособия сиротам, приобретение ими одежды, обуви, учебных принадлежностей. Он же контролировал поступление средств на эти нужды в губернские комитеты, а также их использование. Часть средств поступала в семьи, часть шла на создание общественных столовых, ясель, приютов. Такая общественная помощь оказывалась порой существеннее государственной, так как она учитывала реальные потребности детей, а сама структура была более рассчитанной на меняющиеся реалии войны [Дорошевский, 1916. С. 12–13]. Приюты, ясли открывались в городах почти повсеместно и, несмотря на первоначальное недоверие населения к ним, получали все большее развитие [Приюты... 1915. С. 192].

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 914. Л. 1–95.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 914. Л. 144.

Подводя итоги обзору действий российского правительства и местных учреждений по призрению семей призванных на войну в 1914 году и позже, можно сделать осторожный вывод, что в целом работа была организована неплохо и выдаваемых государством сумм, а также «пайковых денег» из земских средств чаще всего хватало для поддержания семей призванных. Получали эти деньги довольно регулярно и в большинстве случаев именно те, кому они предназначались по закону. Об этом свидетельствуют опросы населения, проводимые как волостными правлениями, так и добровольными корреспондентами [Краткий сельскохозяйственный обзор... 1916. С. 31–32]. В первый год войны (1914) на выплату пособий была затрачена почти седьмая часть бюджета России [Там же. С. 80], всего же за время войны семьям призванных было выплачено в качестве пособий 5,715 млн рублей.

Адресная выдача казенных пособий женщинам из семей призванных способствовала быстрому росту правосознания, самосознания, обучению навыкам правового и социального действия тех, кто до войны редко выходил за пределы домашнего мира, да и не знал о прописанных в законах полномочиях. Теперь же об этих женщинах с уважением писали в прессе современники: «Баба нынче у нас – губернатор! Все дойдет, все поймет, все справит, без мужика обойдется! Бабье дело теперь – ходовое дело. Война ей большую волю дала» [Иванов-Разумник, 1928. С. 23]. Таким образом, история призрения семей нижних чинов запаса, призванных на войну в 1914 году и позже, хорошо вписывается в рамки прогрессивной модели социальной работы, о которой говорилось английским аналитиком теорий социальной работы [Рауне, 1991. С. 201–224]. При всем очевидном доминировании агентов российской социальной политики – центральных и местных (городских, земских) чиновников – в разрешении индивидуальных или групповых житейских проблемных ситуаций, сама система выдачи регулярных пособий, ее легитимация обеспечили рост женского социального самосознания, привели к организованным коллективным действиям (писание прошений и умение действовать в правовом поле).

### Список литературы

- Авербах О. И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914 года. Вильнюс, 1915.
- Алехина Е. В.* Участие Тамбовского земства в оказании помощи женщинам-солдаткам в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Женская повседневность в России в XVIII–XX вв. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. С. 118.
- Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1987.
- Апкаримова Е. Ю.* Городское общественное управление в годы Первой мировой войны // Вторые уральские военно-исторические чтения. Материалы регион. науч. конф. Екатеринбург: Б.и., 2000. С. 7–9.
- Араловец Н. А.* Городская семья в России 1897–1926 гг.: Историко-демографический аспект. М., 2003.

*ГАТО* – Государственный архив Тамбовской области.

*Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Вступ. статья Н. П. Соколова, А. Д. Степанского; Публ. и коммент. Н. П. Соколова. М.: НЛЮ, 2000.

*Дашкевич Л.* К организации деревни. Выдача в деревне продовольственного пайка семьям воинов // Русская мысль. 1915. № 10.

*Дорошевский Ф.* Общепедагогическая организация в Воронеже // В дни войны. 1916. № 1. С. 12–13.

*Жилкин И.* Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 9. С. 237–238.

*Журнал* очередного Тамбовского уездного земского собрания 1914 г. Тамбов, 1915.

*Земцов Б. Н.* Революция 1917 г.: Социальные предпосылки. М.: ИРИ РАН, 1999.

*Иванова Н. А.* Нужда и общественная помощь // Женский вестник. 1915. № 3. С. 64–66.

*Иванов-Разумник.* Бабье дело // Перед грозой. 1916–1917 г. Пг., 1918.

*Краткий* сельскохозяйственный обзор Тамбовской губернии за 1915 г. Тамбов, 1916.

*Леонов В.* Тревожные думы деревни при наступлении весны // Орловские епархиальные ведомости. 1915. № 11. С. 284–285.

*Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002.

*О влиянии* войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916.

*Отчет* состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством общества повседневной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям за 1915 г. Пг., 1916.

*Поршинева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург: Б.и., 2000. С. 119–139.

*Приюты* и ясли в деревнях // Женский вестник. 1915. № 4. С. 192–193.

*Прокопович С. Н.* Война и народное хозяйство. М., 1918.

*РГИА* – Российский Государственный исторический архив.

*Самохин К.* О материальном положении крестьян и социальной политике государства в годы Первой мировой войны (на примере Тамбовской губернии) // Армия и общество. Материалы междунар. науч. конф. 28 февраля 2000 г. / Отв. ред. П. П. Щербинин. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. С. 211–213.

*Солдатские* пенсии, денежные пособия и разная помощь солдатам и их семьям (из законов «О призрении нижних воинских чинов и их семейств»). Киев, 1916.

*Стрелков А.* Первая мировая // Городские известия. 2004. 20 апр.

*Сувацков Н. Д.* Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М.; Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского государственного технического университета, 2001. С. 123–134.

*Фаресов А. И.* Народ без водки (Путевые очерки). Пг., 1916. С. 35.

*Хозяйственная* жизнь и экономическое положение населения России за первые девять месяцев войны (июль 1914 – апрель 1915 года). Пг., 1916.

*Хрящева А.* Крестьянство в войне и революции: Статистико-экономические очерки. М., 1921.

*Чембулова Ф. З.* Трудовые дружины учащихся // Труды совещания по организации посевной площади в 1917 году. 22–24 ноября, 1916. Доклады и постановления. М.: Всероссийский земский союз, 1917. С. 155.

*Щербинин П. П.* Повседневная жизнь россиянок в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Женщина и война в поэзии и повседневности Первой мировой войны 1914–1918 гг. / Авт.-сост. А. И. Иванов, П. П. Щербинин. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001.

*Ярская-Смирнова Е. Р.* Основные понятия и задачи гендерного подхода к социальной политике и социальной работе // Социальная политика и социальная работа: гендерные аспекты / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004.

*Payne M.* Modern Social Work Theory: a Critical Introduction. Houndmills-London, 1991.

---

Наталья Львовна Пушкарёва  
д. и. н., профессор, ведущий научный  
сотрудник Института этнографии  
и антропологии РАН, Москва

электронная почта: [pushkarev@mail.ru](mailto:pushkarev@mail.ru)

Павел Петрович Щербинин  
к. и. н., докторант Института этнографии  
и антропологии РАН, Москва;  
доцент Тамбовского государственного университета,  
исполнительный директор Тамбовского центра  
гендерных исследований

электронная почта: [pavel\\_s@svet.tstu.ru](mailto:pavel_s@svet.tstu.ru)

---